

Его голос звучал громко, и последние пробегающие мимо люди обернулись, бросая на него недоброжелательные взгляды.

Лу Цы и не собиравшись торопиться, и, будучи схваченным, он с легкостью выбрался из толпы, предпочитая идти в конце, экономя силы. Вместе с Цзян Хэ они медленно двигались позади всех.

Впереди все уже исчезли в туманном лесу, и, когда Лу Цы и Цзян Хэ прошли по деревянному мосту и ступили на берег, сбоку раздался холодный голос:

— Стой.

Они обернулись и увидели, что Цзи Учжоу, только что говоривший, уже поднялся с места, обошел стол и направился к ним.

Остальные четверо на платформе удивились. Мисан Яюэ и Цзи Шиянь только сейчас заметили, что одежда Лу Цы отличается от других, и в их глазах появилось недоумение. Чжунли Буфу слегка нахмурился, а Ло Ханьсинь нервно сжал кулаки.

Цзи Учжоу неторопливо спустился с платформы и остановился перед ними. Он внимательно осмотрел Лу Цы с головы до ног, затем внезапно поднял руку и, подняв его подбородок пальцем, с интересом спросил:

— Ты тоже заключенный?

Лу Цы задержал дыхание, его сердце забило быстрее, но, увидев в светлых глазах Цзи Учжоу свое отражение, он странным образом успокоился.

Это отражение «Сун Чжуна», а не меня.

Подумав так, Лу Цы сглотнул и спокойно ответил:

— Да.

На его щеке оставалось немного крови от того, как несколько дней назад умер человек с рубцом на лице. Взгляд Цзи Учжоу быстро остановился на этом месте, и он провел большим пальцем по пятну, с неопределенной интонацией спросив:

— Ты ранен?

Лу Цы на мгновение замер, но затем понял, почему был задан этот вопрос, и, опустив взгляд, ответил:

— Это кровь другого человека.

Цзи Учжоу неопределенно хмыкнул, затем его взгляд опустился ниже, и он вдруг улыбнулся:

— Эта одежда тебе к лицу.

На платформе Цзи Шиянь схватился за лоб, думая, что его брат не упускает возможности флиртовать даже в такой обстановке. Мисан Яюэ с отвращением отвернулась, не в силах смотреть. Ло Ханьсинь, успокоившись, усмехнулся, подумав, что, возможно, не стоило заставлять брата участвовать в Великой церемонии Помилования — красавица могла бы справиться и без этого.

У всех были свои мысли, но только Чжунли Буфу помнил о деле и, объясняя за Лу Цы, сказал:

— Он недавно подвергся наказанию, его тюремная одежда была слишком изношена, и, найдя новой, Ханьсинь дал ему эту.

Лу Цы внутренне напрягся. Объяснение Чжунли Буфу звучало неубедительно и противоречило тому, что он сам сказал Цзян Хэ. Он не знал, заподозрит ли тот что-то.

Однако Цзи Учжоу, похоже, вообще не обратил внимания на слова Чжунли Буфу. Он по-прежнему смотрел на Лу Цы с улыбкой, затем наклонил посох, отодвинув Цзян Хэ в сторону, и, наклонившись к Лу Цы, прошептал что-то на ухо.

Мисан Яюэ больше не могла молчать и встала:

— Цзи Учжоу!

Он лениво обернулся, подняв бровь. Мисан Яюэ сказала:

— Это Великая церемония Помилования! Ты разговариваешь с заключенным наедине. Неужели хочешь выдать секрет?!

Цзи Учжоу равнодушно ответил:

— А что, если так?

Мисан Яюэ была в ярости, а Цзи Шиянь поспешил вмешаться:

— Эй-эй, сестра, не сердись. Думаю, ты слишком волнуешься. Разве Учжоу способен на такое?

Ло Ханьсинь едва сдержал улыбку, думая, что брат, должно быть, шутит. Мисан Яюэ же бросила на него взгляд, полный сомнения: «Он способен на сдержанность?»

Цзи Учжоу больше не обращал внимания на платформу, кивнул в сторону Тайной обители и сказал:

— Идите.

Лу Цы с недоумением посмотрел на него, затем, отведя взгляд, повернулся и направился к Тайной обители. Цзян Хэ, не теряя времени, последовал за ним.

Внешняя часть Тайной обители представляла собой кольцо леса, который в густых кронах и тумане казался мрачным.

Лу Цы вошел в лес, все еще размышляя над тем, что Цзи Учжоу прошептал ему на ухо, но никак не мог понять смысл этих слов.

Идя дальше, он вдруг почувствовал, что вокруг стало слишком тихо. Обернувшись, он увидел, что Цзян Хэ спокойно осматривает окрестности, и слегка нахмурился, думая, что это странно.

Цзян Хэ не был человеком, который упускал бы детали. Цзи Учжоу шепнул ему на ухо, и даже Мисан Яюэ заподозрила, что это была подсказка. Цзян Хэ, всегда стремившийся к победе, должен был бы заинтересоваться этим, но теперь он словно не обращал внимания. Это было действительно непонятно.

Цзян Хэ, заметив, что он остановился, спросил:

— Что случилось?

Лу Цы покачал головой и, ничего не сказав, продолжил идти. Цзян Хэ же продолжал осматривать кроны деревьев, словно ища свиток.

Лу Цы знал, что дерево, о котором говорил Ло Ханьсинь, не здесь, но не спешил торопить Цзян Хэ.

Он был уверен, что Великая церемония Помилования — это не просто поиск чего-то. Он помнил, как Ло Ханьсинь сказал: «Никто, кто прошел через Великую церемонию Помилования, не осмелился не измениться». Если бы это было просто соревнование на скорость, откуда бы взялось это изменение?

Поэтому он был почти уверен, что в процессе скрывалась какая-то опасность. Она могла исходить от других участников или от самой Тайной обители.

Лес был тихим, настолько тихим, что не было слышно ни птиц, ни насекомых. Единственным звуком были их шаги по сухим листьям и веткам.

Цзян Хэ продолжал осматривать кроны, а Лу Цы, идя, внимательно смотрел по сторонам, готовый к любой угрозе.

Пройдя через густой лес, деревья стали редеть, и перед ними открылся более широкий вид. В густом тумане начали проявляться очертания каменных стен и черепичных крыш.

Лу Цы замедлил шаг, чувствуя легкую горечь.

Это было место, где раньше жили ученики Тайной обители. Теперь дома и дворы стояли, но были в руинах.

Стены были обвиты лианами, на обломках кирпичей и черепицы росли мхи. Повсюду виднелись холмы, а ручьи, когда-то использовавшиеся для пиршеств, высохли, оставив лишь гальку на дне, поросшую травой.

Вокруг царил мертвая тишина, такая тишина, что казалось, будто воспоминания о смехе и радости были всего лишь сном.

До прибытия в Тайную обитель Лу Цы не особо ощущал, что «умер десять лет назад». Хотя он провел много времени в белом «хаосе», он не чувствовал течения времени.

Но теперь, увидев своими глазами разрушение, он осознал, насколько долгими были эти десять лет и как время может изменить то, что когда-то было знакомым.

В этот момент раздался легкий шелест сбоку, и Лу Цы с Цзян Хэ мгновенно насторожились, обернувшись к высокой траве неподалеку. Но прежде чем они успели что-то разглядеть, из травы вылетел клинок, направленный прямо на них!

Меч был впереди, а за ним — человек в тюремной одежде, один из заключенных!

Лу Цы и Цзян Хэ быстро отскочили в разные стороны, меч пролетел между ними, но атакующий, не попав, тут же повернул клинок в сторону Лу Цы!

Лу Цы отклонился, избегая лезвия, и, пока меч продолжал движение, схватил запястье нападавшего, резко повернул его вниз и другой рукой ударил по рукояти меча, вонзив его в землю!

Нападающий, поняв, что попал в беду, попытался отпустить меч, но Лу Цы не дал ему шанса. Схватив его запястье, он резко опустил его вниз, проведя ладонью по лезвию. Кровь брызнула, оставляя глубокую рану.

— А-а-а!

Крик боли еще не успел закончиться, как нога нападавшего была сбита ударом Цзян Хэ, который, присев, резко вытянул ногу и сбил его с ног!

Боль в руке не утихала, а падение на бок чуть не сломало руку, но нападающий не показал страха. Его глаза горели яростью, и он попытался подняться, но, едва перевернувшись на спину, был снова прижат к земле Лу Цы и Цзян Хэ, которые, встав на колени, прижали его плечи, а затем, сжав пальцы, одновременно схватили его за горло!

Все эти движения произошли в мгновение ока, но действия Лу Цы и Цзян Хэ были настолько синхронны, что теперь, сжимая горло нападавшего, они оба удивленно посмотрели друг на друга.

<http://bllate.org/book/16826/1565198>